

Хабриева Галия Ярулловна – директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Доклад

«Право перед вызовами цифровой реальности»

Человечество вступило в эпоху «электронной Цифры», которая, по образному выражению одного из основателей компании Microsoft Билла Гейтса, «способна порождать мысли и действия». Развитие информационно-коммуникационных технологий придало новый импульс научно-техническому прогрессу и обусловило переход общества к информационной, постиндустриальной (базирующейся на генерации знаний) стадии социально-экономического развития, формируя новую реальность.

В этой реальности преломляются действие и образ многих социальных институтов и регуляторов, в том числе права. Оно становится не только средством, инструментом, обеспечивающим внедрение цифровых технологий и их использование в различных сферах общественной жизни – экономике, управлении и других сегментах социального бытия, но и объектом воздействия «цифровизации». Изменяются содержание, форма, механизм действия права.

Как в доктрине, так и в юридической практике пока нет достаточно четкого понимания ни вектора, ни закономерностей, ни механизма этих трансформаций. В зарубежной науке цифровизация в контексте права рассматривается как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы в современную эпоху. В работах западных ученых затрагиваются преимущественно практические аспекты цифровизации законодательства и правоприменительной практики¹, в частности: удобство

¹ См., например: Bastin R., Hurtaud S., Senequier L. Senequier Digitisation of documents and legal archiving // Inside – Luxemburg: Deloitte, 2014.

пользования электронными нормативными источниками; возможность хранения большого объема информации; физическая долговечность и устойчивость к взлому электронных баз данных; электронное образование для будущих поколений юристов; развитие рынка правовых услуг; продвижение методов экономического регулирования, основанных на электронном праве. Распространены также работы по прогнозированию электронных правовых систем, авторами которых принимаются в расчет возможности искусственного интеллекта, машинного обучения и метода процедурной генерации сквозь призму права².

В российской науке также заметен интерес к этой теме. Исследования нацелены на освоение отдельных, относительно узких, хотя бесспорно важных и требующих решения проблем, связанных с использованием цифровых технологий в правовой сфере. Дискуссии ведутся главным образом в направлении поиска оптимальных решений и разработки моделей правового регулирования общественных отношений, сопряженных с применением цифровых технологий в области финансов, публичного управления, создания искусственного интеллекта³.

Для эффективного решения обозначенных стратегических задач развития российского государства и права необходимо представить общую картину происходящего. В настоящее время она характеризуется заметным нарастанием объема законодательства, регулирующего отношения, связанные с

² См., например: Germain Claire M. Digitizing the World's Laws // Cornell Law Faculty Working Papers, Paper 72. – Ithaca, 2010.

³ Радченко М.Ю., Горбунов В.П. Цифровое право будущего // II Всероссийская конференция «Право и Интернет: теория и практика» (28-29 ноября 2000 г., Россия, Москва). Доклады // <http://www.ifap.ru/pi/02/r09.htm>; Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М., 2013; Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 1. № 9. С. 93-101; Ломакин А. Цифровизация права // Жилищное право. 2017. № 1. № 9. С. 103-111; Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7-18; Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2018. Т. 22. № 1. 91-109; Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 35-44; и др.

использованием информационно-коммуникационных технологий. Хотя такие отношения регламентируются преимущественно актами, принятыми прежде, чем вопросы «цифровизации» вошли в число первоочередных⁴.

В соответствии с Планом мероприятий⁵ по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁶ (далее – План) принят только один законодательный акт – Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», установивший механизм удаленной биометрической идентификации. Несколько законопроектов приняты Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении: проекты федеральных законов № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга», № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ», № 369029-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», № 424632-7 «О внесении изменений в

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496; Федеральные законы от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448), от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4736), от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036), от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895); акты, так называемого, «антиотмывочного законодательства». Всего насчитывается более 50 законодательных актов, регулирующих различные сферы жизни российского общества, подверженные «цифровизации».

⁵ План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017. № 2)) // <http://static.government.ru/media/files/P7L0vHUjwVJPINcHrMZQqEEeVqXACwXR.pdf>

⁶ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р) // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Всего же согласно упомянутому Плану предусмотрено:

– принятие федеральных законов по 38 сферам правового регулирования, которыми будут внесены изменения в общей сложности более чем в 50 действующих федеральных законов;

– принятие национальных стандартов по восьми сферам технического нормирования и стандартизации;

– разработка концепции комплексного регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики и концепции организации процесса управления изменениями в области цифровой экономики⁷.

В целом для российского законодательства характерно:

1) использование традиционных инструментов – нормативных правовых актов, в общей массе которых преобладают законы. В то же время практика демонстрирует потребность в расширении арсенала используемых регуляторов. Проведенные исследования приводят к выводу о том, что инструменты «доцифровой эпохи» следует сочетать с новыми. Возможно, стоит задействовать квазиправовые регуляторы;

2) повышение роли актов стратегического планирования, таких как Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁸;

3) отсутствие официальной и научной концепций развития законодательства в данной сфере. Первая государством провозглашена, но пока не подготовлена. О необходимости создания второй, которая логично должна быть положена в основу первой, российские ученые уже заявили, однако работа над ней еще не завершена;

4) отсутствие корреляций с устоявшейся международно-правовой практикой в этой области.

⁷ Планов в отношении разработки и принятия законов для целей дальнейшего продвижения «цифровизации» различных сфер жизни российского общества еще больше.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Анализ свидетельствует о том, что законодательство зарубежных стран демонстрирует различные векторы развития. Общественные отношения, связанные с «цифровизацией», регламентируются широким кругом актов, в числе которых:

– акты стратегического планирования (Республика Беларусь, Республика Казахстан)⁹;

– программные и прогнозные документы (Республика Казахстан, Республика Армения)¹⁰;

– специальные законы (Франция – Закон «О цифровой республике» (2016 г.), Великобритания – Закон «Об электронной экономике» (2017 г.), Европейский парламент одобрил нормы гражданского права о робототехнике (16 февраля 2017 г.), Германия признала биткоин в качестве платежного средства (27 февраля 2018 г.);

– подзаконные акты.

Многие государства, как и Россия, в регулировании общественных отношений, связанных с «цифровизацией», опираются, прежде всего, на законодательство. Учитывая, что отношения в данной сфере весьма динамичны, на наш взгляд, преобладание законодательных актов снижает эффективность правовой регламентации, сокращает возможность оперативно реагировать на изменения, происходящие в предмете регулирования.

⁹ См., например: Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», который регулирует внедрение в экономику страны технологии реестра блоков транзакций (блокчейн), иных технологий, основанных на принципах распределенности, децентрализации и безопасности совершаемых с их использованием операций». Реализация проектов возможна на условиях государственно-частного партнерства // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. Декрет № 8 от 21 декабря 2017 года «О развитии цифровой экономики». Режим доступа: URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716/ (Дата обращения 25.06.2018).

См., например: Государственная программа «Цифровой Казахстан» от 12 декабря 2017 г. № 827, определяет отрасли экономики, в которых развитие цифровых технологий должно привести к развитию конкурентоспособности и повышению эффективности производства // Информационно-правовая система нормативных правовых актов республики Казахстан «Әділет». Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827. Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан». Режим доступа: URL : <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>. (Дата обращения 25.06.2018).

Для того чтобы адекватно отражать динамику развития современной правовой сферы, правовые регуляторы должны быть чрезвычайно гибкими. Стремление государства при помощи законодательных актов регулировать едва ли не весь спектр отношений, связанных с «цифровизацией», лишает соответствующий правовой массив этой гибкости. При этом возможность регулирования многих общественных отношений в пределах юрисдикции национального государства становится весьма относительной, заметно повышается роль международно-правовых регуляторов, хотя степень их воздействия на международные отношения и правовая природа инструментов отличаются большим разнообразием.

Международно-правовое регулирование осуществляется как на универсальном, так и на региональном уровнях.

На универсальном уровне происходят процессы:

– международной стандартизации (в рамках Международного союза электросвязи – МСЭ), введения «мягкого» регулирования (принятие международных стандартов в форме рекомендаций МСЭ);

– международной унификации национального законодательства в частноправовой сфере (в рамках работы Комиссии ООН по праву международной торговли – ЮНСИТРАЛ), посредством сочетания рекомендательных (типовые законы «О правовых аспектах электронного обмена данными» (1995)¹¹, «Об электронной торговле (1996)¹² и др.) и юридически обязательных (Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах) актов (гибридного регулирования);

¹¹ Проект Типового закона о правовых аспектах электронного обмена данными (ЭДИ) и соответствующих средствах передачи // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Двадцать восьмая сессия, Вена 2-26 мая 1995 года. Компиляция замечаний правительств и международных организаций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V95/513/23/IMG/V9551323.pdf?OpenElement> (Дата обращения 25.06.2018).

¹² ЮНСИТРАЛ Типовой закон об электронной торговле и Руководство по принятию 1996 год // Издание Организации Объединенных Наций. № R99.V.4. 2006. URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/05-89452_Ebook.pdf (Дата обращения 25.06.2018).

– международно-правового программирования, осуществляемого путем принятия декларативных актов и экспертных проектов по мировой электронной торговле в рамках Всемирной торговой организации (ВТО)¹³, Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН), Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

На региональном уровне предпринимаются усилия для интеграционного сближения и программирования законодательства национальных государств. Для целей интеграционного сближения законодательства используются акты «вторичного права» Европейского Союза. Так, приняты предложения по Регламенту Европейского парламента и Совета, устанавливающему Креативную европейскую программу (2021–2027 гг.) и отменяющему Регламент ЕС № 1295/2013¹⁴. Интеграционное программирование национального законодательства осуществляется посредством решений высших органов интеграционных объединений, заявлений глав государств – членов этих объединений, декларативных и программных документов стратегического характера¹⁵. Примером может служить «Цифровая повестка» Евразийского экономического союза (ЕАЭС), для реализации которой предусмотрено:

- формирование единого цифрового пространства ЕАЭС;
- интенсификация процессов интеграции государств – членов ЕАЭС;

¹³ Digital Economy and the WTO // The E15 Initiative. URL: <http://e15initiative.org/events/e15-engagement-day-e-commerce-and-the-digital-economy/> (дата обращения 25.06.2018).

¹⁴ Proposal for a regulation. Multiannual Financial Framework: Creative Europe programme for the period 2021-2027 // About this initiative: URL: https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/initiatives/com-2018-366_en. (Дата обращения: 25.06.2018)

¹⁵ См., например, заявление глав государств-членов ЕАЭС о цифровой повестке ЕАЭС от 26 декабря 2016 г. // Цифровая повестка ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org/act/dmi/workgroup/materials/Pages/docs.aspx> (Дата обращения: 25.06.2018); Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 21 «О формировании цифровой повестки Евразийского экономического союза» // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413546/scd_11042017_21 (Дата обращения: 25.06.2018); Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415213/scd_10112017_12. (Дата обращения: 25.06.2018).

– включение стран в процессы глобальной цифровой трансформации в целях создания новых ландшафтов экономических процессов и международно-правовых регуляторов.

В качестве механизмов обеспечения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС запланированы:

– информационное взаимодействие с использованием информационно-коммуникационных технологий и трансграничного пространства доверия в рамках ЕАЭС, а также интегрированной информационной системы Союза;

– разработка нового поколения интеграционных регуляторов (вместо нормативных правовых актов), учитывающих возможности цифровой трансформации, а также кросс-отраслевой (в том числе межведомственный) характер экономических процессов, при обеспечении глубокой безбарьерной интеграции;

– уточнение и формирование новой компетенции ЕАЭС и разграничение полномочий между Союзом и государствами-членами для реализации целей единого цифрового рынка.

Приступая к выполнению «Цифровой повестки» ЕАЭС важно оценить перспективы и риски формирования проектируемого цифрового пространства данного объединения и обобщить их в научной концепции цифровизации интеграционного права. Она синтезирует научные подходы к разработке нового поколения интеграционных нормативных правовых актов ЕАЭС, призванных обеспечить цифровую трансформацию интеграции, а также к гармонизации национального законодательства в цифровой сфере, что даст синергетический эффект в достижении интеграционных целей в смежных областях.

Таким образом, наблюдается многообразие реакций как национального законодательства, так и международного права на цифровизацию. Очевидно, что на всех уровнях есть понимание необходимости правового воздействия на протекающие процессы, однако применение четких стратегий пока не прослеживается. В мире идет поиск оптимальной модели нормативного правового регулирования общественных отношений, возникших в связи с

цифровизацией. Поэтому пока предполагается сосредоточиться на разработке актов стратегического планирования и использовании гибких регуляторов – подзаконных актов, правовых экспериментов.

«Цифровизация» оказывает заметное воздействие на право не только как на систему общеобязательных правил поведения, установленных государством, но и как на процесс и результат его деятельности, правовой порядок с реальными правоотношениями, действиями субъектов права и видами юридической деятельности. Она становится важным фактором, обуславливающим динамику права. Однако ее значение не следует преувеличивать. Наряду с «цифровизацией» важными условиями происходящих преобразований являются глобализация, межгосударственная интеграция, возрастание роли наднациональных институтов и международного регулирования и др. В то же время влияние развития и распространения цифровых технологий на современную трансформацию права является наименее изученным и осмысленным правовой доктриной.

«Цифровизация» влияет, прежде всего, на сферу правового регулирования. В нее вовлекаются новые общественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо не требовали правового регулирования или объективно не могли быть урегулированы правом. Так, в сфере правового регулирования наблюдается появление отношений:

- 1) субъектами которых являются виртуальные или цифровые «личности»;
- 2) связанных с юридически значимой идентификацией личности в виртуальном пространстве;
- 3) возникающих в связи с реализацией прав человека в виртуальном пространстве (право на доступ в Интернет, право на забвение, право на «цифровую смерть» и др.);
- 4) ориентированных на применение робототехники;
- 5) складывающихся по поводу нетипичных объектов – информации, цифровых технологий (финтех, регтех и др.), создаваемых посредством применения новых цифровых сущностей (криптовалюты) и объектов

материального мира, а также связанных с использованием и оборотом того и другого;

б) сопряженных:

с использованием оцифрованных информационных массивов – информационных баз данных;

переводом в цифровую форму действий и операций, посредством которых реализуются государственные функции, оказываются государственные и муниципальные услуги, обеспечивается электронное участие граждан в управлении обществом и государством;

совершением действий в виртуальном пространстве, направленных на возникновение, изменение и прекращение правоотношений, реализацию прав и исполнение обязанностей, образующих их юридическое содержание;

применением автоматизированных действий (Интернетом вещей), обеспечением информационной безопасности и др.¹⁶

Сфера правового регулирования становится *мультисодержательной* – в ее пределах не просто возникают новые отношения, но существенно изменяется ее структура, модифицируются сложившиеся связи¹⁷.

Указанную сферу образуют как *типичные*, так и *нетипичные* для нее с точки зрения субъектного состава, объектов и среды существования общественные отношения, включая те, которые практически исключают непосредственное участие человека. Все чаще возникают общественные связи и отношения, составы фактических обстоятельств, а также события, происходящие помимо воли людей. В структуре сферы правового регулирования появился новый элемент – отношения, которые должны быть, но на данном этапе объективно не могут быть урегулированы правом в необходимом объеме.

Сложность правового воздействия на отдельные общественные отношения связана не столько с их спецификой или ограниченными

¹⁶ См., подробнее: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

¹⁷ Там же.

возможностями права, сколько с отсутствием в распоряжении государства цифровых технологий, обеспечивающих привычную взаимосвязь нормативного и индивидуального правового регулирования. Например, всем известная ситуация с блокировкой мессенджера [Telegram](#) на территории России.

Очевидно, что потребность в обеспечении правового регулирования необходимым высокотехнологическим инструментарием, прежде всего позволяющим осуществлять контроль за деятельностью субъектов права, существует. Вопрос в том, как ее удовлетворить?

Вероятно, ответ на него не может быть дан только юристами. Тем не менее юридическая практика нуждается в ответе на поставленный вопрос, а это нацеливает на совместную работу представителей юридической науки и специалистов в области информационных технологий.

Последует ли за развитием и интенсификацией использования цифровых ресурсов расширение границ сферы правового регулирования, появление в ней новых сегментов? Полагаем, что ответы на эти вопросы не так однозначны, как это может показаться на первый взгляд. Действие «цифровизации» может привести как к расширению, так и к сужению области правового регулирования, изменению ее глубины и других параметров, в частности соотношения законодательного и подзаконного регулирования, действия частного и публичного права.

В современном обществе усиливаются тенденции к укреплению самоуправленческих начал и саморегулированию в управлении различными общностями и процессами. Особенно это заметно в коммуникациях в сети Интернет. Появление разного рода виртуальных сообществ, финтеха и регтеха – не что иное, как свидетельство стремления определенных групп людей выйти из-под жесткой государственной регуляции.

В этих условиях оказалась весьма востребована общинная и кооперативная модели организации человеческого взаимодействия. Именно по их образу и подобию нередко формируются сетевые сообщества, потенциально способные образовывать саморегулируемую «криптосреду».

Современные государства воспринимают это по-разному. Многие из них – как угрозу, поэтому реагируют, активно усиливая регулятивное воздействие преимущественно посредством установления новых юридических обязанностей и запретов.

Не отрицая необходимость воздействия права на соответствующую область общественных отношений, полагаем, что важно не просто преумножить обязанности, а применять такие средства и методы, которые бы дополняли и укрепляли иные формы социального регулирования. Во многом решение этой задачи будет зависеть от реального соотношения частного и публичного интересов в рассматриваемом сегменте правового регулирования.

Вслед за изменением сферы правового регулирования меняется и содержание права. Появление новых общественных отношений вызывает к жизни новые юридические нормы, ведет к изменению или отмене уже действующих. Сейчас можно констатировать наличие следующих тенденций и процессов:

1) в праве появляются новые понятия и легальные дефиниции, фиксирующие цифровые личности и сущности, образующие ядро будущих правовых институтов;

2) более интенсивно задействована регулятивная статическая функция права, обеспечивающая закрепление и оформление новых правовых институтов;

3) конкретизируются права человека, что создает иллюзию возникновения нового вида прав – «цифровых»¹⁸;

4) для целей создания цифровой экономики широко применяются инструменты публичного права;

5) динамично изменяется композиция модели нормативного правового регулирования (соотношения в ней законов и подзаконных актов);

¹⁸ См., например: Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>

б) по сути, происходит перенастройка законодательства на решение задач, возникших в связи с цифровизацией, посредством «цифровой прививки» гражданскому, трудовому, административному, уголовному и многим другим отраслям законодательства.

Изменения наблюдаются и в сфере реализации права. Многие юридически значимые действия совершаются в виртуальном пространстве – заключение сделок, удостоверение юридически значимых фактов и др. В процессе реализации права все чаще используются цифровые технологии (блокчейн, умные самоисполняющиеся контракты и др.), изучается возможность применения вновь возникающих технологий, например в РАН, Сколково. При осуществлении отдельных видов деятельности людей постепенно заменяют роботы, происходит роботизация и технологизация юридической деятельности. Коренные изменения зафиксированы в познавательно-доказательственной составляющей судебного процесса, вводятся новые виды доказательств (электронные доказательства, в частности цифровые следы), а также судебных экспертиз.

Особого внимания заслуживает практика использования технологии блокчейн, функционирование которой подчиненно машинному коду. Тем самым все участники, использующие указанную платформу, фактически становятся «заложниками» программных алгоритмов, которые выполняют регуляторную функцию. При отсутствии (или неадекватности) правового регулирования машинный код начинает оказывать мощное воздействие на содержание и характер соответствующих общественных отношений и становится чуть ли не главным их регулятором. В связи с этим важно определить пределы воздействия программных алгоритмов, обозначить линию их соприкосновения с правом.

Новые технологии существенно трансформируют не столько частный, сколько публичный сектор, сферу государственной деятельности. В результате происходит существенное изменение привычной культуры юридической и государственной управленческой деятельности, уход от личного общения и

обмена документами на бумажных носителях, отказ от услуг ранее незаменимых управленцев.

На фоне технологизации и роботизации юридической деятельности многих юристов тревожит судьба их профессии. Существует множество прогнозов – от самых пессимистичных до вполне оптимистичных. Юристы ведут дискуссии об использовании роботов в юриспруденции. Компьютеры могут выполнять ряд типовых юридически значимых процедур, в том числе подготовку различного рода документов, и следовательно, способны стать эффективными помощниками юриста. Первые роботы-юристы уже есть и в России. Однако возможности их использования в юридической профессии все же ограничены серийными операциями. При выполнении творческого труда юриста робот в обозримом будущем едва ли сможет заменить человека. Юридическая деятельность – искусство, и эта мысль вселяет надежду на то, что юридическая профессия не исчезнет.

Существенное влияние «цифровизация» оказывает на форму права. Электронные версии формально-юридических источников права уже давно размещаются в сети Интернет, создаются соответствующие электронные базы и информационно-справочные системы (такие как «Гарант», «КонсультантПлюс» и др.). В настоящее время эти системы приобрели большую популярность как у практикующих юристов, так и у граждан. При этом социологические исследования показали высокую степень доверия пользователей к текстам, размещенным в этих системах. Именно к ним, а не к официальным источникам опубликования обращаются юристы, включая следователей, прокуроров и судей, при осуществлении профессиональной деятельности, разрешении конкретных юридических ситуаций. Хотя при этом существует понимание того, что упомянутые системы не являются официальными источниками опубликования нормативных правовых актов, судебных решений и т.д., могут содержать ошибки. Однако удобство подобных информационных ресурсов является главным аргументом в пользу обращения именно к ним. В результате мы наблюдаем любопытное явление – у формально-юридических источников

права, таких как нормативный правовой акт, договор нормативного содержания, появляется «виртуальный дублер», «цифровой двойник», который может совпадать по форме и содержанию с официальным тестом, изданным, оформленным и обнародованным по всем правилам, а может и отличаться от оригинала. Это уже не просто цифровая копия, а нечто большее, т.к. электронная версия текста формально-юридического источника права выполняет функции последнего. Именно в нем «черпают право» юристы при разрешении юридического дела. При этом, как было отмечено, точного соответствия цифровой копии оригиналу никто не гарантирует, а практика свидетельствует о наличии неточностей в электронных версиях нормативных правовых актов. Безусловно, это не способствует повышению качества правореализационной деятельности.

Важно заметить, что за поиском правовой основы государственно-властного решения юристы обращаются к неофициальным ресурсам, владельцы которых теоретически могут не только по неосторожности, но и сознательно допускать ошибки в текстах электронных версий источников права. Следовательно, такого рода информационно-справочные системы, будучи весьма популярными у пользователей, способны превратиться в инструмент манипулирования. К тому же ошибки в электронных версиях текстов могут быть привнесены со стороны – в результате действия третьих лиц, хакеров, а может быть, владельца сети – частного субъекта – держателя информационного ресурса.

Интересно также и то, что оцифровка формально-юридических источников права приводит к формированию новых приемов и способов юридической техники, в частности отсылок к ранее действующей редакции нормативного правового акта или его части, к другим нормативным правовым актам, судебным решениям, официальным письмам и др. Именно в виртуальном пространстве существует такое явление, как «актуальная версия» нормативного правового акта, чего нет в реальном мире (хотя этот вопрос неоднократно поднимался как учеными-правоведами, так и практиками).

Заметим, что нынешняя «актуальная версия» нормативных правовых актов при всех ее достоинствах – только прототип будущей цифровой модели. Разница между ними в том, что современная «версия» построена по принципу базы данных, а цифровую версию надо создавать по принципу «базы знаний», в которой будет собрана, систематизирована, структурирована и приспособлена для автоматизированного использования более объемная и разноплановая (правовая, экономическая, социологическая и др.) информация, позволяющая без участия человека осуществлять толкование правовых норм, юридическую квалификацию деяний и правоотношений, разрешать юридические коллизии, совершать сделки, выносить правоприменительные решения, определять эффективность правовых норм, формулировать правотворческие решения в целях оптимизации правового регулирования и т.д.

Например, Конституция РФ в «базе знаний» предстанет как актуальное на данный момент времени единство: 1) ее текста; 2) федеральных конституционных законов; 3) законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации; 4) правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации; 5) общепризнанных норм и принципов международного права, ставших частью российской правовой системы; 6) комментариев ученых; 7) правоинтерпретационных актов международных органов (например, Европейской комиссии за демократию через право) и организаций. Сама идея такого представления конституции не нова, но в практике она так и не получила широкого распространения.

Формирование подобных «баз знаний» повысит статус правовой доктрины, приблизив ее к положению источника права, изменит роль ученых-правоведов. При этом правовой режим этих баз должен будет обеспечить «легальное бытие» цифровых двойников источников права.

Прогнозируя перспективы формы права, можно предположить, что в будущем будет легализован «цифровой двойник» и установлены способы его верификации. Возможно, появится «гибридный источник» права. При этом

одно не исключает другого. В связи с этим надо ставить вопрос о развитии юридических технологий создания формально-юридических источников права.

Отдельно следует остановиться на вопросе о «цифровой судьбе» юртеха. С развитием цифровых технологий обостряется противоречие между, с одной стороны, потребностью в качественных с точки зрения формы и содержания нормативных правовых актах и способностью указанных технологий ее удовлетворить, а с другой стороны, невысоким качеством нормативного материала, произведенного «вручную» без применения хай-тека.

Преодоление этого противоречия видится в «оцифровке» юридических технологий, применяемых в правотворчестве, разработке и использовании юртеха при создании проектов нормативных правовых актов. Речь идет о технологиях правового мониторинга, юридического прогнозирования, юридического моделирования, проектирования юридических норм, экспертизы проектов нормативных правовых актов, оценки регулирующего воздействия и др. Это позволит не только вывести правотворчество на новый качественный уровень, но и существенно снизить нагрузку на аппараты правотворческих и иных органов, задействованных в правотворческом процессе.

Применение юртеха не ограничится только правотворчеством. Он может и должен внедряться в сферу правореализации. Опыт зарубежных стран показывает, что это перспективный путь повышения эффективности правореализационной, в том числе правоприменительной, деятельности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Цифровые технологии способны менять образ права, влиять на его регулятивный потенциал и эффективность, открывать дорогу или блокировать его действие в новых измерениях социальной реальности. Векторы и пределы таких изменений до конца не ясны. Вероятно, это подтверждение зарождения нового права – «права второго модерна»¹⁹.

¹⁹ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума.

2. Анализ процессов цифровизации позволяет прогнозировать изменение механизма правообразования и композиции существующей модели социального регулирования, коррекцию границ известных социальных регуляторов и образование в ней ниши, которую займет программный код.

3. Видится несколько вариантов дальнейшего развития событий:

1) право трансформируется в иной социальный регулятор, допуская появление программного кода или некой гибридной формы;

2) право сохранит свои субстанциональные признаки и будет мирно сосуществовать с программным кодом;

3) появится новая нормативная система, которая займет свое место в системе социальных норм наряду с правом, моралью, религией. Однако этот вариант можно прогнозировать на самую отдаленную перспективу.